ISSN:3030-332X
Impact factor: 9,493
International journal of scientific researchers

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС И ТРАНСФОРМАЦИЯ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ ТОНИ МОРРИСОН «ВОЗЛЮБЛЕННАЯ»

Рахимова Нигорахон Обиджоновна
Начальник отдела международного сотрудничества
Наманганского государственного института
иностранных языков
nrakhimova83@gmail.com
https://doi.org/10.5281/zenodo.23878468

Аннотация. Статья посвящена роли женского голоса и мифопоэтических образов в романе Тони Моррисон «Возлюбленная». Рассматриваются особенности фрагментарного повествования, образ дома, мотив возвращения прошлого и связь индивидуального свидетельства с коллективной памятью. Показано, что мифологическая образность в романе не устраняет историческую конкретность, а позволяет выразить опыт, который трудно представить средствами линейного рассказа.

Ключевые слова: Тони Моррисон; «Возлюбленная»; женский голос; мифопоэтика; память; травматическое прошлое; повествование.

Введение

Роман Тони Моррисон «Возлюбленная» занимает особое место в литературном осмыслении исторической памяти. Его художественная форма строится на пересечении нескольких голосов, временных пластов и способов свидетельствования. Для анализа произведения принципиально важно не отделять мифологическую образность от исторического контекста. Необычное и сверхъестественное в романе не отменяет реальность пережитого; оно создаёт язык для выражения того, что не укладывается в последовательное и однозначное повествование.

Методология исследования

В статье используются нарратологический анализ, мотивный подход и элементы исследования культурной памяти. В центре внимания находятся распределение голоса между персонажами, повторяющиеся образы и организация времени. Концепции коллективной и культурной памяти позволяют рассматривать индивидуальные воспоминания в связи с общинными формами передачи прошлого. При этом анализ не сводит персонажей к абстрактным символам: их речи, молчание и выбор сохраняют конкретную человеческую сложность.

Женский голос и право на свидетельство

Моррисон показывает, что возможность рассказать собственную историю не всегда дана человеку заранее. Голос может быть прерван страхом, общественным давлением или отсутствием слушателя. Женские персонажи по-разному взаимодействуют с памятью: одни пытаются отгородиться от прошлого, другие ищут слова, чтобы сделать его разделяемым. В результате повествование не принадлежит единственному всеведущему центру. Оно складывается из пересекающихся свидетельств, а читатель вынужден учитывать несовпадение точек зрения.

С точки зрения поэтики данный эпизод необходимо рассматривать в контексте всего повествования, а не изолированно. Значение мотива определяется его расположением в композиции, связью с речью персонажей и изменением читательских ожиданий. Такой подход

помогает избежать механического переноса фольклорных схем на современный роман и показывает, каким образом знакомые образы приобретают новое содержание.

Следовательно, интерпретация должна учитывать одновременно формальный и историко-культурный уровни текста. В первом случае важны повтор, смена перспективы и символическая деталь; во втором — отношение персонажей к семейному и коллективному опыту. Их пересечение делает повествование многослойным и позволяет говорить о трансформации традиционных художественных моделей.

Образ дома как пространство памяти

Дом в романе представляет собой не только бытовое пространство. Он сохраняет следы прошлого и превращается в место напряжённого взаимодействия между тем, что персонажи помнят, и тем, что они стремятся забыть. Эта пространственная организация важна для понимания мифопоэтики произведения: граница между внутренним и внешним, живым и ушедшим, настоящим и прошлым оказывается подвижной. Дом не даёт гарантированной защиты, но становится сценой, на которой скрытая история требует признания.

С точки зрения поэтики данный эпизод необходимо рассматривать в контексте всего повествования, а не изолированно. Значение мотива определяется его расположением в композиции, связью с речью персонажей и изменением читательских ожиданий. Такой подход помогает избежать механического переноса фольклорных схем на современный роман и показывает, каким образом знакомые образы приобретают новое содержание.

Следовательно, интерпретация должна учитывать одновременно формальный и историко-культурный уровни текста. В первом случае важны повтор, смена перспективы и символическая деталь; во втором — отношение персонажей к семейному и коллективному опыту. Их пересечение делает повествование многослойным и позволяет говорить о трансформации традиционных художественных моделей.

Возвращение прошлого и мифологический образ

Фигура возвращающегося прошлого объединяет несколько уровней чтения. Её можно рассматривать как сюжетный элемент, как воплощение памяти и как способ постановки этического вопроса об ответственности. Однако ни одна интерпретация не исчерпывает образ полностью. Мифологическая многозначность позволяет роману удерживать противоречия, не превращая сложный исторический опыт в простую аллегорию. В этом заключается отличие художественного образа от однозначного тезиса: он сохраняет открытость для нескольких взаимосвязанных смыслов.

С точки зрения поэтики данный эпизод необходимо рассматривать в контексте всего повествования, а не изолированно. Значение мотива определяется его расположением в композиции, связью с речью персонажей и изменением читательских ожиданий. Такой подход помогает избежать механического переноса фольклорных схем на современный роман и показывает, каким образом знакомые образы приобретают новое содержание.

Следовательно, интерпретация должна учитывать одновременно формальный и историко-культурный уровни текста. В первом случае важны повтор, смена перспективы и символическая деталь; во втором — отношение персонажей к семейному и коллективному опыту. Их пересечение делает повествование многослойным и позволяет говорить о трансформации традиционных художественных моделей.

Фрагментарное время и повтор

Повествование в «Возлюбленной» не подчиняется прямолинейному движению от прошлого к настоящему. Возвраты, повторения и смещения перспективы воспроизводят работу памяти, в

которой отдельные эпизоды всплывают не по хронологическому порядку. Такой принцип композиции вовлекает читателя в процесс реконструкции событий. Вместо готового объяснения ему предлагается соотносить фрагменты и замечать смысловые разрывы. Формальная сложность романа таким образом становится частью его этической проблематики.

С точки зрения поэтики данный эпизод необходимо рассматривать в контексте всего повествования, а не изолированно. Значение мотива определяется его расположением в композиции, связью с речью персонажей и изменением читательских ожиданий. Такой подход помогает избежать механического переноса фольклорных схем на современный роман и показывает, каким образом знакомые образы приобретают новое содержание.

Следовательно, интерпретация должна учитывать одновременно формальный и историко-культурный уровни текста. В первом случае важны повтор, смена перспективы и символическая деталь; во втором — отношение персонажей к семейному и коллективному опыту. Их пересечение делает повествование многослойным и позволяет говорить о трансформации традиционных художественных моделей.

Сообщество и пределы индивидуального рассказа

Важнейшая особенность произведения состоит в том, что личная история не может быть окончательно понята вне отношений с другими людьми. Община выступает не идеализированным фоном, а неоднозначной средой, способной как поддерживать, так и отвергать. Тем не менее возможность быть услышанной меняет условия существования памяти. Взаимодействие голосов показывает, что восстановление связей не равнозначно исчезновению прошлого. Скорее речь идёт о переходе от изоляции к более сложной форме совместного существования с историей.

С точки зрения поэтики данный эпизод необходимо рассматривать в контексте всего повествования, а не изолированно. Значение мотива определяется его расположением в композиции, связью с речью персонажей и изменением читательских ожиданий. Такой подход помогает избежать механического переноса фольклорных схем на современный роман и показывает, каким образом знакомые образы приобретают новое содержание.

Следовательно, интерпретация должна учитывать одновременно формальный и историко-культурный уровни текста. В первом случае важны повтор, смена перспективы и символическая деталь; во втором — отношение персонажей к семейному и коллективному опыту. Их пересечение делает повествование многослойным и позволяет говорить о трансформации традиционных художественных моделей.

Обсуждение результатов

Анализ выявляет связь трёх художественных механизмов: полифонии женских голосов, мифологизации образов и нелинейной организации времени. Каждый из них усиливает другие. Голос требует слушателя; мифологический образ выражает неустойчивость границ между памятью и настоящим; фрагментарная композиция препятствует упрощению исторического опыта. Поэтому роман следует читать не только как повествование о частной судьбе, но и как размышление о формах коллективного свидетельства и границах языка.

С точки зрения поэтики данный эпизод необходимо рассматривать в контексте всего повествования, а не изолированно. Значение мотива определяется его расположением в композиции, связью с речью персонажей и изменением читательских ожиданий. Такой подход помогает избежать механического переноса фольклорных схем на современный роман и показывает, каким образом знакомые образы приобретают новое содержание.

Следовательно, интерпретация должна учитывать одновременно формальный и историко-культурный уровни текста. В первом случае важны повтор, смена перспективы и символическая

деталь; во втором — отношение персонажей к семейному и коллективному опыту. Их пересечение делает повествование многослойным и позволяет говорить о трансформации традиционных художественных моделей.

Заключение

В «Возлюбленной» женский голос и мифопоэтическая образность образуют единый художественный механизм работы с памятью. Дом, возвращение прошлого и многоголосая композиция раскрывают сложность индивидуального и коллективного опыта. Моррисон не предлагает лёгкого разрешения исторических противоречий: её повествование подчёркивает необходимость слушания, ответственности и признания чужого свидетельства. Дальнейшее исследование может быть направлено на сопоставление образа женского голоса в «Возлюбленной» и других романах писательницы.

Список литературы

1. Моррисон Т. Песнь Соломона. 1977. (Оригинал: Morrison T. Song of Solomon. New York: Alfred A. Knopf, 1977).
2. Моррисон Т. Возлюбленная. 1987. (Оригинал: Morrison T. Beloved. New York: Alfred A. Knopf, 1987).
3. Пропп В. Я. Морфология сказки. Ленинград: Academia, 1928.
4. Хальбвакс М. Коллективная память / Les cadres sociaux de la mémoire. Paris: Alcan, 1925.
5. Ассман Я. Культурная память / Das kulturelle Gedächtnis. München: C. H. Beck, 1992.
6. Хатчен Л. Поэтика постмодернизма / A Poetics of Postmodernism. New York: Routledge, 1988.

Примечание. Библиографические сведения приведены по известным оригинальным изданиям; точные страницы цитирования не указываются без сверки с конкретным экземпляром. Прямые цитаты из художественных текстов в статье не используются.